

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.51; 81'366

В. В. Быконя

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Показана семантика древних слов, вошедших в морфемную структуру отрицательных местоимений и отрицательных частиц. Определено, что становление отрицательных местоимений происходило на основе вопросительных местоимений и зависело от общей отрицательной семантики предложения. Источником происхождения отрицательных частиц послужили наименования объектов ирреального мира.

Ключевые слова: селькупский язык, диалект, семантика, историческое словообразование, отрицательное местоимение, отрицательная частица.

Сфера средств выражения отрицания в самодийских языках однотипна: отрицательные местоимения образуются на базе вопросительных, в каждом из языков есть свои отрицательные частицы, имеет место отрицание с помощью специальных глаголов со значением «отсутствовать» [1–5]. Предметом данного исследования является анализ отрицательных местоимений и частиц в селькупском языке с точки зрения их происхождения. Селькупский язык представлен совокупностью диалектов, не консолидировавшихся в единый язык и не выработавших единых норм произношения, поэтому иллюстративный материал представлен фонетическими вариантами, различающимися своей внешней формой [6]. Средства выражения отрицания представлены отрицательными местоимениями и отрицательными частицами.

В селькупских диалектах имеется группа отрицательных местоимений, в число которой входят *qajna* ‘никто’, ‘ничего’, *qajni*, *qajnaj* ‘никто’, ‘ничего’, *kudnej*, *qodnej*, *kudena* ‘никто’, *qajmni* ‘ничего’, не содержащих в своей структуре отрицательных основ. Они образованы на базе вопросительных местоимений:

qaj ‘что?’, *kud~kod* ‘кто?’ посредством присоединения к ним слов с самостоятельным значением *na*, *ni*, *paј*, *peј*, которым в изолированном употреблении функция отрицания несвойственна: *na* ‘этот’, ‘тот’; *ni* ‘туда’, ‘сюда’ (в известное место); *paј*, *peј* ‘тоже’, ‘также’, ср. об. Ч, кет. *qajna* ‘никто’, ‘ничего’ < что + этот, тот; об. С *qajni* ‘никто’, ‘ничего’ < что, кто + туда; об. Ч, вас., тым. *qajnaj*, *qajnaja* ‘никто’, ‘никого’, ‘ничего’ < что + тоже, также; *qajmna* ‘ничто’, ‘ничего’, что-то + этот, тот; об. С *kudnej*, *qodnej* ‘никто’ < кто + тоже, также; кет. *kudena* ‘никто’ < кто + этот, тот.

Безлично-указательное местоимение *na* является одним из элементов трехчленной дейктической системы в селькупском языке: *taр*, *taβ*, *tau* – ‘этот’

(сфера говорящего) – *to* ‘тот’ (сфера, удаленная от говорящего) – *na* ‘этот/тот’ (сфера, удаленная от говорящего, но известная ему или одному из собеседников, бывшая результатом их собственного опыта). Местоимение *na*, выполняя анафорическую функцию, открыло возможности для своего широкого участия в словообразовании средств выражения пространственных отношений, выделяющих сферу известного. Примеры: об. Ч *mat kun tōmbak, nač'idele qβəllag'e* ‘я откуда пришел, туда пойду’; *tab nač'il βattout čaža* ‘он по той (известной) дороге идет’; вас. *nandə pol taət man nač'iqət užiγak* ‘я прошлым летом там (в известном месте) работал’; об. С *ot man nano as kiγan teze siγqun uc'iku* ‘вот я поэтому (по известной причине) не хочу с вами двумя работать’. Анафорическая функция сочетается с выделительной при указании общего плана: об. С *naβga* ‘то’ (что ... то): *qaim kiγ'elak, naβgam menžau* ‘что захочу, то и сделаю’; об. Ч *nadə* ‘тот’ (кто ... тот): кет. *kuttī assī layin, nadə aβirni* ‘кто не работает, тот не ест’; *kudən tülse, nadən i surun qorpiła* ‘чье ружье, того и пушнина’. Местоимения *naβga*, *nađə* состоят из элемента *na*, который является для них общим, и соответственно элементов *-βga* (< *oga*) и *-də* (< *əd*) со значением «царь духов» и «древний человек». Вторые элементы относятся к древнему слою лексики, их значения восстановлены исторически [7]. Все говорит в пользу того, что рассматриваемое местоимение *na*, сыгравшее роль в образовании отрицательных местоимений, имеет специфическую сферу применения, обусловленную его происхождением.

Отрицательные местоимения рассматриваемой структуры являются по происхождению утвердительными, отрицательное значение развивается у них на уровне синтагматики – в сочетаниях с отрицательным глаголом, например: об. Ч *rižoγan qajnaj č'angu* ‘внутри ничего нет (букв. отсутствует)’ или с отрицательной формой глагола, например:

об. Ш qodnej aza tanba ‘никто не знает’. Впоследствии они обобщаются в новой для них функции – функции отрицания. Примечательно, что частица nej в повторе выполняет усилительную функцию при отрицательном глаголе: об. С manan eziw nej t’aku, ewew nej t’aku ‘у меня ни отца нет, ни матери нет (букв. у меня отец тоже отсутствует, мать тоже отсутствует)’, как впрочем и при утвердительном глаголе: об. Ч udjđ naj helan eja, tobjđ naj helan eja ‘и руки целы, и ноги целы’ (букв. руки тоже целы есть, ноги тоже целы есть). В северных диалектах селькупского языка такую же функцию выполняет частица ämtä: таз. ukkur pō ämtä säңka ‘ни одного дерева нет’ (букв. одно дерево даже отсутствует) [3, с. 298].

Аналогично построена сфера отрицания в нганасанском языке. Отрицательные местоимения образуются посредством суффиксальной частицы -гэliche, например: сылыгэliche ‘никто’, магэliche ‘ничто’ [2]. Отрицательное значение рассматриваемых местоимений находится в связи с отрицательными словами – самостоятельными и вспомогательными отрицательными глаголами. Вне связи с ними такие местоимения отрицательного значения в отличие от селькупского языка не выражают. Суффиксальная частица -гэliche приобретает в утвердительных предложениях усилительное или уступительное значение.

В кетском диалекте селькупского языка произошло слияние усилительной частицы paj с отрицательной assj в связи с сокращением внешней формы последней: kuttj-n < kuttj paj на стыке слов paj assj [4, с. 130]. Это явление характеризует также отрицательные местоименные наречия, о чем свидетельствует фактический материал, например: кет. tabjım kuttjın assj tınbjıt ‘это никто не знает’; tapgaljık kuttjın assj tükus ‘кроме него никто не приходил’; man kut’t’an assj kbenžan ‘я никуда не пойду’ и относит его к начальному этапу обобщения, абстрагирования и грамматикализации в языке. Элемент -n в грамматической системе селькупского языка является суффиксом родительного падежа.

Относительно происхождения отрицательных местоимений нельзя не согласиться с точкой зрения исследователя коми языка А. С. Сидорова, который считает, что отрицательные местоимения соединяются с глаголом, согласующимся с ним по категории отрицания, например, нельзя сказать *некод локтö* ‘никто идет’, логично сказать *некод оз лок* ‘никто не идет’. Структура глагольного словосочетания учитывает именно формы отрицания [8, с. 64–65].

Одним из моментов в рассмотрении данной проблематики является семантика вторых элементов отрицательных местоимений -на, -ni, -naj, -nej,

обусловившая их анафорическую функцию. Лингвистические данные и факты мифологии способствуют раскрытию исходного значения безлично-указательного местоимения na – им является обобщенное указание на небесную сферу. Если составить ряд элементов na-, no-, nu- и проследить значение слов, в структуру которых они вошли, то можно заметить, что консонантный элемент связан с семантикой слов, а вокалический элемент является ее уточнителем. Элементы no- и nu- входят в структуру слов об. С, Ш, кет. nom; об., вас., тур. por; об. Ч, тым. pur ‘небо’, ‘бог’; nul, nul’ ‘небесный’, ‘божий, для бога’; об. Ч nul wešk ‘орех’ (букв. божье яблоко); об. С nul’ d’el ‘праздник’ (букв. божий день); об. С nun nagərbədi öč ‘молитва’ (букв. богу написанное слово); тур. nul loqa ‘небесная лисица’. Гласный u, как правило, встречается в словах со значением «богу предназначенный», ср. кет. nuβjın māt ‘церковь’ [9].

Что касается формы na, то в диалектах селькупского языка она представлена в основном в структуре местоименных наречий с пространственным значением: об. С nat’ad ‘туда’; об. Ч nač’id ‘сюда’, ‘туда’, которые образованы по модели: местоимение + послелог. Оба слова относятся к тому периоду истории языка, в котором уже произошла их десемантизация, поэтому происхождение местоимения na ‘этот, тот’ неясно, можно лишь предположить, что оно стало употребляться иносказательно вместо имени божества, мифического предка или прародителя рода/племени, местом обитания которого была небесная сфера. Он служил эталоном при сравнении, подражании, так как элемент na вошел в сочетания с послелогами со значением уподобления, например: об. Ш, вас. našak; вас. nasak ‘так’ (šak, sak ‘соответственно’, ‘наподобие’). Местоименные наречия такого рода выполняют усилительную функцию, например: вас. qa-jqo tat našak kundən mešpal solalap? ‘почему ты так долго делаешь ложки?’; об. Ч poqət našal hərel purəłžan ‘во дворе такая снежная метель’: об. С tab našan öč’ižele āda ‘она так молодо выглядит’.

Семантический анализ слов, в структуре которых вычленяется элемент ni, показывает, что они также относятся к кругу слов с сакральной семантикой, отрицательное значение у них отсутствует. Об этом свидетельствуют примеры кет. nid’a, n’id’a ‘младший брат’, ‘медведь’; nid’aj ‘медвежий’; nid’aka ‘медведица’ (мифический дракон на небе) – иносказание для божества «солнце» [7, с. 56]. Зафиксированная в синхронии звуковая форма nid’a образовалась в результате метатезы звуков из ni-ad’ (букв. небесный человек/народ) с синкретичным значением «младший брат-медведь» (тотем). Звуковой комплекс ni находится в одном ряду со звуковыми комплексами n’e, n’o, n’u, n’a, nö, nü, ne,

которые в повторе образуют лексемы со значениями ‘маленький’, ‘сладкий’: кет. n’up’o, n’up’u ‘маленький’, ‘мелкий’; p̄ip̄ö ‘маленький’; тур. n’op’a ‘малек’; n’up’a ‘сладкий’; об. С n’uirgu; об. Ч nüigu ‘быть сладким’; об. С, Ш n’uidi ‘сладкий’, ‘вкусный’. Они вошли в наименование созвездия: кет. N’up’o q̄v̄əḡə ‘Малая Медведица’.

Частица naj образовалась из сочетания местоимения na с частицей aj, которая является более древней по происхождению и имеет более абстрактные значения «снова», «уже», выполняет роль союза «и», входит в структуру междометия ajgou ‘ой! (обжегся)’. Примеры употребления частицы aj: тым. nadela tüätti, kb̄ərat̄ti h̄īrīl nadep mad’ondə čob̄īr̄p̄ vad̄īgu aj s̄əḡəlagap ‘девочки пришли, зовут снегурочку (букв. снежную девочку) в лес ягоду собирать и грибы’; об. Ч aj č̄āžəkuk, č̄āžəkuk, onžə taβal matq̄ind m’adəkuk ‘снова шла-шла, до своего кротового дома добралась’ (из сказки); тым. aj kananma mudelenža ‘тут моя собака залаяла’.

Следующие контексты демонстрируют употребление рассматриваемой частицы naj в утвердительных предложениях, при этом она вносит в высказывание оттенки неопределенности: об. Ш š̄ēȳəp tamḡilbi tab̄in m’embat, əžalḡə: “Battond pall’el, ku naj š̄ēȳ č̄āženža, tat nat’idel’i č̄āžl’end, š̄ēȳəp ūḡīp oralbl’el” ‘нитку намотанную ей дала, сказала: «На дорогу положи, куда нитка пойдет, ты туда иди, нитку за конец держи». Далее в содержании контекста появляется определенность в происходящем, и частица naj опускается: ku š̄ēȳ m’edēnža, natt’ān ēnža k̄ība māt, natt’ān βarka tab̄in n’enn’a ‘куда нитка придет, там будет маленький дом, там живет его сестра’. Завершает высказывание отрицательное предложение, в котором проявляются уверенность и категоричность говорящего: ti mātq̄indo kunaj ək q̄βajagal̄i ‘вы из дома никуда не ходите’.

Сравним также предложения: кет. man naj t̄əȳəžəmbj̄zaβ taβ kn’iḡəlam ‘я тоже читал эту книгу’; kod naj t̄əȳəžəmbj̄za taβ kn’iḡəlam? ‘кто тоже читал эту книгу?’; man naj ass̄i t̄əȳəžəmbj̄zaβ taβ kn’iḡəlam ‘я тоже не читал эту книгу’; kod naj ass̄i t̄əȳəžəmbj̄za taβ kn’iḡəlam? ‘кто тоже не читал эту книгу?’ – kodnaj ass̄i t̄əȳəžəmbj̄za taβ kn’iḡəlam ‘никто не читал эту книгу’. Анафора оказалась той основой, которая создала условия для формирования отрицательных местоимений в селькупском языке.

В результате длительного употребления вопросительного местоимения и лексем na, ni, naj, nej в определенной последовательности произошло переосмысление значения «кто тоже» → «никто» в отрицательном предложении и, видимо, под влиянием структуры русского языка. Собственно отрицание в контексте высказывания происходит по-

средством отрицательных частиц об. Ч a; тур. asa; ел. as’e; кет. ass̄i ‘не’, ‘нет’; t’əŋβa, č’əngβa, t’aku ‘нет’; об. Ш, Ч ək, əg ‘не’ (в предложениях с побудительной целеустановкой), например: об. Ч qajnaj a āda ‘ничего не видно’; об. Ш kodnaj aza tanβat, kut’an imbat ‘никто не знает, где он взял’; mat t̄əβak māt, kodnej t’əŋβa ‘я пришел домой, никого нет’; тым. qaj̄ȳənna teb̄əm asse qogu ‘нигде его не найти’; об. Ч oq̄əḡ p’īž’endəgunž’alk tab̄ənan qaj̄d̄inaj č’ənḡȳə; ‘кроме одного топора у него ничего не было’; вас. kunaj īgī kojaeš ‘никуда не ходи’. Структура селькупского отрицательного предложения полностью соответствует структуре русского предложения.

По аналогии с русским языком образовались отрицательные местоимения n’eȳaj, nīq̄βaj ‘ничего’, ‘ничего’ с заимствованными из русского языка местоимениями, которые располагаются в препозиции к вопросительному местоимению: об. Ч okk̄īr̄ t̄up̄e n’eȳaj meš̄p̄ugu ‘одним пальцем ничего делать’; кет. men n’ekut’t’a kattugu ‘мне некуда спрятаться’; тур. n’eq̄əl ‘никакой’ (ср. q̄əl ‘какой’; q̄əl qus ‘какой-то’); nīq̄βaj ‘ничего’ (ср. q̄βaj ‘что’); n’īq̄ut̄ī ‘никто’ (ср. q̄ut̄ī ‘кто’). Такой способ образования отрицательных местоимений отмечают в финно-угорских языках [10, с. 229].

Отрицание может развиваться на базе значения всеобъемлемости. Так, отрицательное счетное слово об. Ш emd̄ə ukupar ‘ни разу’ не содержит элемента со значением отрицания. В его структуру вошли наречия em, emde со значениями ‘достаточно’, ‘хватит’, числительное uku ‘один’ и счетное слово par ‘раз’. Устойчивое словосочетание emd̄ə ukupar при буквальном переводе означает ‘достаточно-один-раз’, которое переосмыслено в отрицательное ‘ни разу’. Таким же образом происходит в результате переосмысления переход слова из одного лексико-грамматического разряда в другой, например: неопределенное наречие об. Ш emde kus’aȳəp ‘когда-нибудь’ по аналогии с emd̄ə ukupar может означать ‘никогда’ и считаться отрицательным наречием.

В развитие отрицательных местоимений и наречий лексема emde внесла усилительную функцию: об. Ш emde qaj̄ni ‘ничего’ (< emde qaj̄-ni, букв. достаточно-что-туда (в известное место); emd̄ə kunnej ‘нигде’ (< emd̄ə kun-nej, букв. достаточно-где-также). Как показывает фактический материал, местоимения и частицы, выполнявшие в утвердительном предложении указательную и усилительную функции, сыграли роль в образовании отрицательных местоимений.

В диалектах имеется несколько отрицательных частиц, которые, наш взгляд, имеют сакральное происхождение, т. е. являются исторически наименованиями объектов сферы ирреального мира.

Частица **ауа** ‘не’, ‘нет’: *vas. qwēl ауа qadadenža* ‘рыба не ловится’; *m’i amban ауа p’aldimbaj* ‘мы маме не помогаем’; *tab ауа č’ur’elba* ‘он не заплакал’ является полной фонетической формой отрицательной частицы, ср. краткую форму *ā*, а ‘не’ (*ауа* и *ā*, а встречаются в речи разных носителей одного диалекта). Частица *ауа* совпадает с элементом *-ауа-* лексем тым. *Вагүарүтč* (< **Ваг-ауа-пүтč*) ‘бобер’ (букв. великий дух-главный дух рода (в расцвете сил)-богатырь); об. Ч *аүәдүт* ‘утка-чернядь’ (тотем) < (*аүә-дүт* букв. главный дух рода-карась, ср. об. Ч *tudә* ‘карась’); об. Ч *аүәргү* ‘помянуть’ < *ауа-әргү*, букв. главный дух рода-пировать, ср. об. Ш, Ч, *vas. әгү* ‘попить’, ‘попировать’ (иначе поминальный пир в честь духа рода). об. С *madd пöгүәң ең* ‘брусника красная’ (*пöгүәң* < *пöг-ауа-ң*, букв. красный-царь) [11; 12, с. 78]. Частица восходит к наименованию одного из духов верхнего мира.

Отрицательная частица **ā**, **а** ‘не’: *кет., об., vas., тым. ā*, а ‘не’ является вариантом частицы *ауа* ‘не’, ‘нет’, она образовалась в результате элизии звука *ү* в интервокальной позиции: *ауа* > *aa* > *ā* > *a*, употребляется при отрицании действия: об. Ч *hajdem a tuqәlbatkuk* ‘я глазом не моргаю’; *ega ā töšpa* ‘старик не приходит’; *qajnaj a āda* ‘ничего не видно’, а также при отрицательном ответе: об. Ч *ā*, *manani әlaβәt qundaqәt qumbadәt* ‘нет, мои родители давно умерли’. Частица активно участвует в словообразовании прилагательных, наречий, частиц с отрицательным значением: об. Ч *asabәle* ‘неправда’ (ср. *sabәl* ‘в самом деле’, ‘правда’); об. С *аваг* ‘небольшой’ (ср. *Bag* ‘большой’, ‘великий’, ‘старший’); об. Ч *афаң* ‘нехорошо’; тым. *aqundaqәt* ‘неподалеку’, выполняет функции союза: об. С *mele a qvannin* ‘сделал и ушел’.

Долгота звука *ā* свидетельствует о том, что ему предшествовал во времени двойной гласный *ao ~ au*. Сделать такое предположение позволяет наличие указательных местоимений об. С *au*, *av* ‘тот’, ‘другой’, которые материально совпадают с компонентами слов тым. *av-egom* ‘мачеха’; об. Ш *av-ep-daz* ‘дедушка (по материнской линии)’; об. Ч *av-neka* ‘дедушка (по материнской линии)’; об. Ш *av-jnav* ‘бабушка (по материнской линии)’. Двойной гласный либо утратил один элемент, либо перешел в *в*. Полагаем, что этим элементом обозначался дух, в честь которого устраивалось жертвоприношение, ср. об. Ч *aorgu* (< **ao-jr-gu*); *aurgu* (< **au-jr-gu*); об. Ш, *vas. avjrgu* (< *av-jr-gu*) ‘есть’, ‘кушать’. Второй элемент *-jr-* имеет значение ‘жир’, встречается в структуре глаголов об. С, *кет., тым. jrgu*, *jrjgu* ‘попить (воды)’, ‘выпить (вина)’, ‘попировать’; *кет. jrčagu* ‘напоить’, с тем, чтобы проводить душу умершего в иной мир. Первичным значением слова *aorgu* было ‘жертвенная пища’. В сфере тер-

минов родства элемент *ao~au~av* обозначает материнскую линию, ср. *кет. avj* ‘мать’, ‘тетя’. Он стал базовым элементом лексем со значением ‘принимать пищу’. Итак, будучи по происхождению древним элементом с сакральным значением, лексема *ā* изменила через иносказание свою функцию, перешла в разряд служебных слов с отрицательным значением [12].

Частица **ja** ‘не’ занимает скромное место в лексико-семантической системе селькупского языка, она отмечена в одном диалекте: об. Ч *ja šid’edukut* ‘(мы) не обманываем’; *il naj šinde ja qostla* ‘твой сын тебя не узнает’. Данный элемент входит в морфемную структуру слова *тур. ja-βol* ‘черт’, ‘дьявол’, второй компонент которого вычленяется в ойкониме *βoldža* ‘Вольджа (букв. материнский род)’ с прозрачной морфемной структурой: элемент *-dža* является показателем материнской линии, элемент *βol-* (< **βa-ol*, букв. великий-глава (рода), ср. об. Ч *βa* ‘хороший’, *ol* ‘голова’, ‘глава’) имеет значение ‘род’. Кроме того, мы встречаем его в качестве финального элемента мифологем *rov’i imi-ja* ‘небесная медведица’; *imi-ja* ‘медведица’, в структуре лексемы *raj-ja* ‘белка’ (тотем), где он выступает со значением «дух рода, живущий в тотеме». Лексеме *ja* в селькупском языке следует отнести к числу тайных имен родовых духов. Метатеза звуков в древнейшем слове *ja>aj* не повлияла на значение слова *aj* ‘дух предков’. Оно сохранилось в наименовании священной горы Кулайка ‘Гора духов предков’ [13, 14].

Частица **әгә** ‘не’ зафиксирована в следующих вариантах: об., *кет., vas., тым. әгә, әг*; об. С *ök*; об. Ч, *vas., тым. ög, ögi*; *кет., тур. iqi*; *кет. ikkj*; об. Ч *eg*; *egi*; *vas. jgi*; *тур. iqi* ‘не’. Особенностью ее употребления является то, что она выступает, как правило, в сочетании с императивными формами глагола в предложениях с побудительной целеустановкой, например: об. Ч *qundat әгә qwajaq* ‘далеко не ходи’; *odomt ög noyalel* ‘руку не протягивай’; *eg töšpeš* ‘не приходи’; *egi qurk ponet* ‘не бегай на улице’; *jgi tärbešk* ‘не горюй’; *кет. ikkj qödek* ‘не ходи’; *vas. ögi qatelbet* ‘не стучи’; *ögә tamdelešpet el’madlap* ‘не кутай ребенка’; об. Ш *әг omdaqun* ‘не садись’; *vas. kunaj jgi kojaeš* ‘никуда не ходи’; *тур. oqombidil’ ijaditki jgi n’enner’eš* ‘на шумливых детей не сердись’.

В некоторых фонетических вариантах частица материально совпадает с вторым элементом лексем тым. *qog-әгә*, об. Ч *qog-әq, qog-jy*; *kor-jg*; *korgә* (< *kor-әg*) ‘медведь’ (тотем), *кет. qaz-jy-ya* ‘кедровка’ (тотем). Исходное значение слова *qog-әгә* восстанавливается при его сопоставлении с мифологемой *kor-pum* «самый главный из лесных лозов (духов, дьяволов), царь над всеми лесными чертями» (Пелих, 1998), также содержащей элемент *kor-*

Слово эгэ имело значение «царь лесных духов», оно восстановлено при лингвистическом анализе этнонимов (7, с. 30), уточнено при дальнейшем анализе фактического материала.

Как показывают языковые и этнографические данные, слово эгэ обозначало элемент культуры, который можно в обобщенном виде передать «царь над лесными духами». В сложных словах qoq-эгэ и kоg-pum элемент эгэ «царь» древнее элемента pum, имеющего живое значение «небо», «бог». Пройдя этап эвфемизации, слово эгэ утратило свою семантику, но которая восстанавливается из значения глагольной лексемы тур. aуlіmoqо «застыть каменной куклой», «онеметь», «окаменеть» (< aуa-іl-moqо, букв. духу задохнуться, ср. вас. moqod'іgu «задохнуться»), что подтверждает его исходное сакральное значение. В качестве составного элемента оно входит в морфемную структуру слов, в том числе и местоимений: об. С пауга «это» (< па-уга, букв. небесный-царь); qajqо «почему» (< qaj-іqо, букв. утка-царь); кет. qaj-pom «утка-царь»; вас. şır-іga «сорная трава» (букв. богатырь-царь (в пожилом возрасте)).

Фонетические варианты, в которых выступает частица эгэ, связаны с разными статусами обозначаемого объекта – от расцвета сил до упадка. На конкретном материале данный процесс выглядит следующим образом: кет. kоg-oga «порода», «племя» (букв. лесной дух-царь (в расцвете сил); об. С рігіkum «остяк», «мужчина» (< ріг-іgі-kum, букв. дух рода-царь (в пожилом возрасте)-человек), что нашло отражение в социальном статусе об. С рігіkum «остяк», «мужчина низкого сословия».

Как элемент лексико-семантической системы слово эгэ использовалось в тех случаях, когда совершалось обращение с просьбой к самому главному лесному духу. Впоследствии иносказательное употребление наименования главного духа привело к обобщению, абстрагированию и его употреблению в роли отрицательной частицы.

Отрицательная частица aza «не», «нет» выступает в фонетических вариантах об. Ш aza; тур. as, aş, aşa, aza; ел. as'e, as'a; кет. assj, встречается в усиленном значении об. С as, aş «даже не». Примеры употребления: кет. ter assj tenbut «он не знает»; so ütçe aza t'urgun «хороший мальчик не плачет»; ел.

tem maka as'a man'd'et'eis'it «он на меня не взглянул»; кет. tan sayətpal keim? – assj «ты солила уху? – нет». Она материально совпадает с элементом лексем об. С nırşa, об. Ч nərşa «ерш» (< *nır-aşa, букв. красный-отец всевышний, ср. об. Ч aza, ел. asa «отец»), построена по той же модели, что и кет. pögra «чебак» (< *nör-aga, букв. красный-старик), с той лишь разницей, что передает вторым элементом более высокий статус объекта ирреального мира [12].

Подобно частице ā она участвует в словообразовании прилагательных и наречий с отрицательным значением: об. Ш tab aza bargın «он небольшой»; ел. as'a tenerbıl'e «бездумно» (букв. не думая); as'a mul'imbıl'e «молчком» (букв. не разговаривая); тур qəajil ijar qeriqо – qaj qöditił, qaj aza qöditił? «какого ребенка позвать – или больного, или здорового (букв. небольшого)?». Отрицательные частицы aya и aza являются диалектными дублетами, инлаутные согласные входят в ряды регулярных звуковых соответствий: s~h~γ и s~ş [6]. Они имеют сходную природу, теонимический источник происхождения.

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что по мере развития отношений формировались средства их выражения на базе уже имеющихся языковых единиц. Языковые средства, выражавшие мифологические представления о мире, имевшие место в эпоху анимизма, оставляют в лексико-семантической системе реликтовые следы в виде элементов лексем, благодаря которым раскрываются значения, пути переходов через фонетические и семантические трансформации.

Сокращения

вас. – васюганский диалект, ел. – елогуйский говор, кет. – кетский диалект, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ш – обские говоры Шешкуп или Шешкум, об. Ч – обские говоры Чумьлькуп, таз. – тазовский диалект, тур. – туруханский говор, тым. – тымский диалект.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70001a/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в самодийских, германских и русском языках».

Список литературы

1. Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Ленинград: Наука, 1973. 230 с.
2. Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Ленинград: Наука, 1979. 322 с.
3. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980. Т. I. 408 с.
4. Ильяшенко И. А. Местоимения // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / под ред. д-ра филол. наук Э. Г. Беккер. Томск, 1995. Ч. II. С. 70–135.
5. Быконя В. В. Становление местоименной системы в селькупском языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 65–69.
6. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. Таллин, 1971. VII. № 1. С. 35–41.

7. Быконя В. В. Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк). Томск, 2011. 234 с.
8. Сидоров А. С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1992. 152 с.
9. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
10. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979. С. 350.
11. Быконя В. В., Сахарова О. В. Селькупские фитонимы в языковой картине мира // Сиб. филолог. журн. 2009. №4. С. 116–123.
12. Быконя В. В. Эвфемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7 (97). С. 77–83.
13. Карманова Ю. А. Наименования птиц отряда воробьинообразных в селькупском языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 76–80.
14. Быконя В. В., Карманова Ю. А. Лингвокультурологический анализ наименований насекомых в селькупском языке // Сиб. филолог. журн. 2012. № 2. С. 163–174.

Быконя В. В., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: pip425@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.12.2013.

V. V. Bykonya

ORIGIN OF REPRESENTATION MEANS OF NEGATIVE CATEGORY IN THE SELKUP LANGUAGE

The article outlines ancient word semantics as a part of morphemic structure of negative pronouns and negative particles. Negative pronouns were formed on the base of interrogative pronouns and depended on general negative sentence semantics. Names of unreal world objects served as a source of origin for negative particles.

Key words: *the Selkup language, dialect, semantics, historical word formation, negative pronoun, negative particle.*

References

1. Tereshchenko N. M. *Syntax of samoyed languages*. Leningrad, Science Publ., 1973. 230 p. (in Russian).
2. Tereshchenko N. M. *The nganasan language*. Leningrad, Science Publ., 1979. 322 p. (in Russian).
3. Kuznetsowa A. I., Khelimskiy E.A., Grushkina E.V. *Essays on the Selkup language. Taz dialect*. Moscow, 1980. vol. I. 408 p. (in Russian).
4. Ilyashenko I.A. Pronouns. *Morfology of the Selkup language. Southern dialects*. Tomsk, 1995. Part II, pp. 70–135 (in Russian).
5. Bykonya V. V. The formation of the pronominal system in the Selkup language. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 65–69 (in Russian).
6. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. *SFU*, 1971, vol. 7, no. 1, S. 35–41.
7. Bykonya V. V. *The Selkups: language and culture (ethnolinguistic essay)*. Tomsk, 2011. 234 p. (in Russian).
8. Sidorov A. S. *Particular articles of komy language*. Syktyvkar, Komy Publ. house, 1992. 152 p. (in Russian).
9. Polyakova N. V. "Sacred places" in the worldview of the Selkups. *Tomsk state pedagogical university Buletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
10. Maytinskaya K.E. *Historical and comparative morfology of fenno-ugric languages*. Moskow, 1979. 350 p. (in Russian).
11. Bykonya V. V., Sakharova O. W. The selkup names of plants in the language world view. *Sibiryen Filologycal Journal*, 2009, no. 4, pp. 116–123 (in Russian).
12. Bykonya V.V. Euphemisation as a means of creation of the Selkup language semantic system. *Tomsk State Pedagogical University Buletin*, 2010, no. 7 (97), pp. 77–83 (in Russian).
13. Karmanova YU. A. Names of perching birds in the Selkup language. *Tomsk State Pedagogical University Buletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 76–80 (in Russian).
14. Bykonya V. V., Karmanova Yu. A. Linguistic and cultural analysis of insect names in the Selkup language. *Sibiryen Filologycal Journal*, 2012. no. 2, pp. 163–174 (in Russian).

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: pip425@yandex.ru